

оригинальная статья

Права человека в контексте взаимодействия азиатских и европейских правовых ценностей

Олег Юрьевич Винниченко

Тюменский государственный университет, Россия, г. Тюмень; <https://orcid.org/0000-0002-4572-979X>; o.yvinnichenko@utmn.ru

Елена Федоровна Гладун

Тюменский государственный университет; Россия, г. Тюмень; <https://orcid.org/0000-0003-2525-6638>

Жумабек Дюсешевич Бусурманов

Академия юридических наук Республики Казахстан, Республика Казахстан, г. Алматы; Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева, Республика Казахстан, г. Нур-Султан; Экспертный Совет при Уполномоченном по правам человека в Республике Казахстан, Республика Казахстан, г. Нур-Султан; Комиссия по вопросам помилования при Президенте Республики Казахстан, Республика Казахстан, г. Нур-Султан; <https://orcid.org/0000-0002-4966-2211>

Поступила в редакцию 27.09.2021. Принята после рецензирования 17.10. 2021. Принята в печать 25.10.2021.

Аннотация: Настоящая статья обосновывает необходимость закрепления прав человека через различные международные правовые механизмы, включающие региональные конвенции о правах человека, которые отражают правовые и культурные ценности государств. Позиция авторов основывается на том, что правовые ценности различных стран существенно отличаются. В результате заимствования странами чужой культуры обобщенных правовых норм эффективность исполнения общепризнанных международных документов на национальном уровне как регулятора отношений может быть невысока. Используя междисциплинарный и цивилизационный (социокультурный) подходы на примере стран Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС), авторы приходят к выводу, что значительная часть стран ШОС придерживается так называемых *азиатских ценностей*, которые отличны от ценностей, присущих государствам европейской цивилизации. В частности, странам ШОС свойственны коллективистские традиции, приоритетизация интересов семьи, клана, нации; идеализация верховной власти, значительная отстраненность от активной политико-правовой жизни, приверженность нормам морали и др. Исследование дает авторам основание сформулировать основной тезис о том, что наряду со Всеобщей декларацией прав человека могут существовать региональные концепции и международные региональные акты, отражающие цивилизационную идентичность, историческую память и опыт, национальный дух отдельных государств. Авторы поддерживают идею создания особой концепции прав человека для стран евразийского пространства, в которой наряду с *универсальными* правовыми ценностями могут закрепляться *азиатские* ценности, в том числе приоритет сообщества, государства над индивидом, личностью; преимущество общественного порядка перед отстаиванием прав и свобод личности; ориентир на всеобщее благо; особое значение норм морали и религии; преклонение перед сильными политическими лидерами. Это позволит учитывать как общепризнанные подходы к правам человека, так и традиции и менталитет отдельных наций, преобладающих в евразийском макрорегионе; обеспечит интеграцию норм обычного права, исторически сложившихся норм, основанных на национальной философии и морали азиатских стран. Представленная научная идея является актуальной, поскольку в последнее время часто имеют место конфликты между глобальной правовой идеологией и традиционным правосознанием значительной части граждан азиатских стран.

Ключевые слова: правоментальность, национально-правовые ценности, страны Шанхайской Организации Сотрудничества, азиатские ценности, европейские ценности

Цитирование: Винниченко О. Ю., Гладун Е. Ф., Бусурманов Ж. Д. Права человека в контексте взаимодействия азиатских и европейских правовых ценностей // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2021. Т. 5. № 4. С. 338–347. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-4-338-347>

Введение

Одной из наиболее важных характеристик современного мира является процесс глобализации, который меняет облик правовых систем. Глобализация сопровождается существенными изменениями в структуре национальных правовых систем, в частности продолжается распространение правовых традиций западных стран на азиатскую цивилизацию. Наиболее ярким примером является западная концепция прав человека, отраженная во Всеобщей

декларации прав человека (1948) и претендующая на универсальный характер [1].

В настоящее время наряду со Всеобщей декларацией прав человека, признанной всеми государствами-членами ООН, действуют региональные хартии и конвенции, отражающие особые подходы к закреплению и обеспечению прав человека в определенных государствах. В качестве примеров можно назвать Декларацию Ассоциации государств

Юго-Восточной Азии о правах человека (2012), Африканскую Хартию прав человека и народов (1981), Американскую Конвенция о правах человека (Пакт Сан-Хосе, 1969) и др. Данные документы отражают как базовые подходы к правам человека, поддерживаемые большинством стран мира, так и особенности в правовых ценностях и взглядах на человека, его основные права и механизмы их реализации, характерные для отдельных регионов, государств, правовых систем и семей.

Национальная правовая ценность как научная категория, по мнению ученых-теоретиков, «представляет собой систему идей, правил и установок, определяющих отношение субъекта (индивида, социальной группы, общества) к правовой реальности» [2, с. 23]. Именно в национальных правовых ценностях проявляются сложившиеся в обществе представления о правильном, справедливом, гуманном порядке, который должен обеспечиваться правовым воздействием как со стороны общества, так и со стороны государства. Правовые ценности, являясь важнейшей составляющей правовой ментальности, способны обеспечить единство и целостность правовой системы. В основе реализации права лежат правоментальные установки – это своеобразный мостик, соединяющий норму права и ее исполнение. Поэтому очень важно иметь представление о конфигурации и состоянии правовых ценностей при изучении прав человека в той или иной национальной правовой системе.

Тематика, связанная с правовыми сознанием, менталитетом, ценностями, является объектом внимания российских ученых в последнее десятилетие [3–10]. Следует заметить, что данное направление изучается зарубежными учеными гораздо более пристально. Так, современные зарубежные исследования показали, что отношение к человеку, его ценностям, правам, возможностям может значительно отличаться в зависимости от того, с точки зрения какого сообщества рассматривается данная проблема. Прежде всего, речь идет о двух подходах – колониальном и постколониальном, в рамках которых отношение к правам человека и возможностям их реализации может быть диаметрально противоположным.

В исследованиях, отражающих колониальный дискурс при анализе этических, социальных и правовых систем, отмечаются разные ценности и противостояние этих ценностей в сообществах центральных и периферийных территорий [11–13]. В работах И. Валлерстайна, М. Хардта и А. Негри рассматриваются факторы и последствия глобализации, переход от современности к постсовременности, подчеркивается, что в последние столетия проявляются мощные факторы дистанцирования центра от периферии, где под центром подразумеваются два основных типа территориального доминирования – маринистский и континентальный. Каждый из этих типов связан с собственной системой обоснования колониального дискурса. Первый воплощал правовое, технологическое и знаниевое превосходство Запада. Второй – архаику восточных империй (Россия,

Турция, Иран, Китай). Первый превозносил статус человека европейской рациональности, на которого переносились атрибуты бога – свобода, абсолютизация права, обладание универсальной истиной, владение законами вселенной, креативность, способность продуцировать новые технологии и идеи. Второй культивировал подражательство сильному, милитаризм и деспотизм власти. Однако оба этих варианта связаны с западо- или европоцентризмом.

Подобные идеи весьма незначительно представлены в научной литературе, посвященной влиянию ценностей, представлений и взглядов народов стран Шанхайской Организации Сотрудничества (ШОС) на процесс становления их государственности. Наибольшее внимание в существующих публикациях уделяется особенностям формирования политической и правовой культуры Китая под влиянием древних религиозных и философских учений [14–19]. Исследования по взаимовлиянию традиционных религий, знаний, ценностей и правовых систем в странах ШОС представлены в научной литературе в небольшом объеме [20; 21]. Различия традиционных ценностей, культуры, этики, национальной идентичности и, как следствие, существующих правовых систем в странах СНГ освещаются лишь в нескольких работах [22–25].

Целью данной статьи является осмысление специфики национальных правовых систем азиатских стран в части их правовых традиций и правовых ценностей, выявление их самобытных характеристик, с одной стороны, и определение сходств в механизмах защиты прав человека – с другой. Данные особенности и сходства будут рассмотрены нами на примерах стран-участниц ШОС.

Методы и материалы

Научное обоснование взаимодействия азиатских и европейских правовых ценностей, которое должно быть представлено в постколониальном дискурсе, имеет междисциплинарный характер и требует применения методов как правовой науки, так и иных социальных наук.

Использование метода плюрицентрической герменевтики в нашем исследовании объясняется многоаспектностью проблематики, когда юридическая проблематика рассматривается в общекультурном контексте или прибегает к анализу культурных явлений и ценностей. Данный метод, развиваемый М. Тлостановой и В. Миньоло [26], обосновывает отказ современного общества от универсальности истины в пользу плюриверсальности, подчеркивает, что другие истины тоже существуют и имеют право на существование.

Цивилизационный (социокультурный) подход значительно расширяет и обогащает наши представления о правах человека. Это позволяет нам выйти за пределы евроцентризма и персонцентризма и не замыкаться на понимании прав человека только лишь с позиции формационных критериев.

С помощью правовых методов – формально-догматического и сравнительно-правового – авторами были проанализированы международные правовые документы

в сфере прав человека как глобального, так и регионального уровней, а также проведено изучение блока нормативных правовых документов ряда стран ШОС, являющихся ключевыми в их национальных правовых системах (национальные Конституции, нормативные правовые акты в сфере защиты прав и законных интересов граждан).

Общие признаки национальных правовых систем стран ШОС

Проведенное исследование позволило нам, в первую очередь, обозначить существующие сходства национальных правовых систем, крайне важных для понимания правовых ценностей стран ШОС.

1. Декларативный характер права (в той или иной степени), который проявляется в отрыве большого количества нормативных правовых актов от социальной реальности. Законодательство, скроенное по лекалам европейской цивилизации, в странах ШОС сочетается с иными регуляторами общественных отношений (религиозным и обычным правом, иерархией властных отношений и проч.). Одним из примеров может служить реформа органов местного самоуправления в России. Концепция местного самоуправления, заявленная в Конституции РФ 1993 г., была заимствована в западноевропейских странах. В основу конституционного статуса муниципальных образований России положен принцип предельной децентрализации местной власти. Сомнительно, что конституционные положения о местном самоуправлении при доминировании в ней общественного начала могли воплотиться в РФ подобным революционным путем в короткие сроки. Даже при беглом взгляде на историческое прошлое российского общества необходимо отметить огромную роль государства при сверхцентрализации государственной власти в течение многих столетий. Таким образом, в результате реформы 1990-х гг. произошло смешение властных и хозяйственных полномочий, нарушение властной природы местного самоуправления, формирование малоэффективной системы хозяйствования и рост коррупции в муниципальном звене управления [27, с. 140]. В качестве другого примера можно привести правовую действительность Индии, особенностью которой является наличие религиозных, племенных и культурных различий. Соответственно, серьезной проблемой для внедрения правовых стандартов Западной цивилизации в общегосударственном масштабе является право личного статуса человека: в разных кастах, религиях Индии оно имеет существенные отличия. В Исламской Республике Пакистан, где ислам является государственной религией страны, официально действует Федеральный шариатский суд, что во многом противоречит фундаментальным правам человека.

2. Эклектичность права, т. е. сосуществование различных правовых укладов в едином государственном пространстве. В Китае – социалистического права, романо-германского, религиозного, традиционного и английского

права (Гонконг, Макао). В России – романо-германского, мусульманского права (Северный Кавказ) и обычного права (коренные малочисленные народы Севера). В Казахстане, Таджикистане, Узбекистане, Киргизии – романо-германского, мусульманского права и обычного права. В Индии – индуистского, английского, традиционного и мусульманского права. В Пакистане – мусульманского (шариатского) права, английского и обычного права. Таким образом, мы видим достаточно широкую и сложную палитру правового регулирования общественных отношений в странах ШОС.

3. Авторитарная составляющая права: государственные структуры при неразвитости институтов гражданского общества и демократических традиций играют ведущую роль во всех существенных вопросах развития национальных правовых систем. В азиатском правовом менталитете носителем правды является правитель, царь, император. Происходит экстраполяция «правдоносительства» на главного государственного лидера [3]. Так, право на Руси издавна воспринималось как приказ начальства, который надо выполнять, чтобы избежать наказания, а не как норма, направленная на общее благо. Это зачастую характерно и для современного правового сознания. В Китае частные интересы иногда полностью растворяются в государственном благе, персонифицированном в едином личном правителе.

4. Значительное влияние традиций, религиозного фактора на правовое регулирование общественных отношений. Многоконфессиональная Индия с ее делением на касты и английским колониальным прошлым испытывает серьезные трудности в преодолении влияния обычного и религиозного права, равно как и Китай, население которого долгие столетия жило в условиях доминанты конфуцианских норм и народных обычаев в регулировании общественных отношений. Государства Центральной Азии (Казахстан, Таджикистан, Киргизия и Узбекистан) после распада СССР переживают возрождение исламских традиций и клановых отношений.

5. Доминирующее влияние советского права на становление национальных правовых систем большинства стран ШОС. Современное право Китая и многих постсоветских стран во многом обязано своим происхождением Советскому Союзу. После образования КНР в 1949 г. за образец была взята не только государственная коммунистическая идеология, но и советское право. В свою очередь, Казахстан, Таджикистан, Киргизия и Узбекистан на протяжении семидесяти лет были частью гигантского многонационального государства, разделявшего советский менталитет и советскую доктрину права.

Здесь представлен далеко не полный перечень сходных черт национальных правовых систем стран ШОС. Мы обозначили лишь наиболее важные из них, понимание которых поможет увидеть общую специфику в системе защиты прав человека в странах ШОС.

Уникальные черты национальных правовых систем стран ШОС

Большое значение, на наш взгляд, имеет изучение уникальных черт национальных правовых систем государств группы ШОС, которые сформировались благодаря существующим в этих странах правовым ценностям. Особенности правовых систем отдельных стран-членов ШОС влияют на состояние прав человека.

Важной спецификой *Китая* является сочетание социалистического права и черт традиционного, конфуцианского права. Российские и зарубежные ученые затрудняются определить место правовой системы КНР в классификации правовых семей [28, с. 23]. Также Китай занимает особое место среди стран ШОС по методике заимствования элементов чужой культуры: здесь происходит весьма избирательное копирование зарубежных правовых институтов в государственно-правовом строительстве, что не исключает декларативного характера ряда норм. По мнению российских китаеведов, «власти Китая при нормотворчестве руководствуются национальными интересами и лишь затем обращают взоры на рекомендации иностранных партнеров» [29, с. 51]. В Китайской правовой системе доминирует публичное право над частным при решающей роли политической составляющей в правовом регулировании [29].

Россия, единственная из стран ШОС, стала членом Совета Европы и тем самым взяла на себя обязанность выполнять правовые стандарты этой международной организации, включая исполнение решений Европейского суда по правам человека. Россия ратифицировала 64 договорно-правовых акта Совета Европы, в том числе Устав Совета Европы (1996), Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (1998), Европейскую конвенцию по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (1998), Европейскую социальную хартию (2009) и др. Ст. 15 Конституции РФ устанавливает приоритет ратифицированных международных договоров РФ в своей правовой системе. Однако в соответствии с поправками, внесенными в 2020 г., решения межгосударственных органов, противоречащих Конституции РФ, не подлежат исполнению (ст. 79)¹.

Правовая система *Индии* обладает исключительным своеобразием, представляя смесь и сосуществование различных правовых культур. Единой индийской правовой культуры и правовой системы не существует, индийское право полисистемно. Большинство его отраслей сложилось под воздействием английского права в период британского владычества. Эти отрасли образуют в совокупности общенациональное право индийского государства [30].

В *Исламской Республике Пакистан* ислам является государственной религией страны. Поскольку значительная часть пакистанского права унаследована от британской колониальной системы, частью населения оно воспринимается как колониальный пережиток, что не способствует поддержанию режима законности и авторитета права в стране. Определенные противоречия также существуют на уровне взаимодействия английского общего права и мусульманского права, особенно в регионах [31].

Государства Центральной Азии (*Казахстан, Таджикистан, Киргизия и Узбекистан*) в настоящее время находятся в поисках своей идентичности по евразийскому пути, развиваясь между советской концепцией права и проблемами адаптации западных правовых моделей к среднеазиатской действительности. Их специфика проявляется в том, что «они как постсоветские государства разделяют единые правовые ценности и установки. Несмотря на то, что правовые системы этих государств близки к романо-германской системе, они сохраняют элементы оригинальности, сформировавшиеся в социалистический период»² [23, р. 213].

Среди постсоветских государств Центральной Азии *Республика Казахстан* выступает лидером по адаптации правовых стандартов Западной цивилизации. Здесь создан и успешно действует Международный финансовый центр «Астана» (AIFC³), который играет ключевую роль в качестве регионального центра бизнеса и финансов, связывая экономики стран Центральной Азии, Кавказа, Евразийского экономического союза, Западного Китая, Монголии, Ближнего Востока и Европы. В рамках AIFC работает Независимый суд общего права, который создает и развивает независимую судебную систему общего права для оперативного разрешения гражданских и коммерческих споров. Суд AIFC впервые в Центральной Азии представляет судебную систему, основанную на нормах и принципах права Англии и Уэльса. Он действует в соответствии с международными стандартами.

Таким образом, становится вполне очевидным, что на восприятие идеи прав человека оказывают влияние не только экономические устои и способ хозяйствования, а еще и менталитет, уклад жизни, значимые правовые и культурные традиции, обычаи, уровень развитости политической и правовой систем, степень влияния религии и иные особенности того или иного общества и государства [32].

Азиатские и европейские ценности

Значительная часть стран ШОС придерживается т. н. азиатских ценностей. Концепция азиатских ценностей изложена в различных источниках (официальных документах, научных статьях, прессе) [33–35]. К азиатским ценностям,

¹ Новый текст Конституции РФ с поправками 2020 года // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации. Режим доступа: <http://duma.gov.ru/news/48953/> (дата обращения: 14.02.2021).

² Перевод выполнен авторами статьи.

³ AIFC. Astana International Financial Centre Court. Режим доступа: <https://court.aifc.kz> (дата обращения: 14.02.2021).

в первую очередь, принято относить отказ от универсального характера феномена прав человека, которые возникают и действуют в зависимости от конкретных политических, экономических и культурных обстоятельств [35]. Еще одна важная ценность – коллективистские традиции, противоположные по своей сути индивидуализму прав человека в западном понимании. Как считал известный русский философ Н. А. Бердяев, с коллективизмом связано отрицательное отношение к праву, смешение права с моралью. А само отрицание права есть отрицание личности, недостаток личного самосознания, достоинства, погруженность в коллективизм [36, с. 22–23]. Для восточного человека интересы семьи, клана, нации являются большим приоритетом, чем собственные устремления.

С коллективизмом тесно связан авторитарно-монархический идеал государственности. В азиатском правовом менталитете имеют место гипертрофия (абсолютное преувеличение) надежд на верховную власть, малая самостоятельность, низкая ответственность граждан за свою судьбу, отстраненность от активной политико-правовой жизни, локальность восприятия мира, созерцательность [3].

Этикоцентризм является важнейшей чертой ментальности граждан стран ШОС. Этикоцентризм – подчинение права нравственным и религиозным ценностям в связи со специфическими условиями, в которых формировалось правосознание, например, культ ценностей абсолютного добра, долга, справедливости, бескорыстного служения, подвига, совести [3]. Моральные нормы при этом ставятся выше по своему значению, нежели правовые.

Для полного представления о национальных правовых ценностях есть необходимость напомнить основные ценностные ориентиры европейской цивилизации. Они достаточно хорошо описаны в научной литературе [37–39]. На генезис национальных правовых ценностей здесь оказало решающее влияние религиозное направление *протестантизм* (разновидность христианства). Его особенностью является ориентация на достижение материального благополучия в земной жизни. В основу западной правовой традиции положены индивидуализм, рациональное начало, приоритетная защита личных прав человека и права собственности. Право здесь выступает в роли всеобщего регулятора отношений, который сочетается с теорией общественного договора. При этом явно видна миссионерская черта Западной цивилизации нести различными средствами свои духовные и правовые ценности в развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки [40]. Начиная с крестовых походов в средние века и заканчивая современными примерами Ливии, Ирака, эта миссия достаточно активно осуществляется странами Европы.

Таким образом, рассмотрев специфику национальных правовых систем и правовых ценностей стран ШОС,

необходимо отметить их существенное отличие от системы ценностей европейской цивилизации.

Демократия, права и свободы человека являются общепризнанными, общечеловеческими ценностями и выступают сегодня индикаторами развитости того или иного государства и общества. Однако если рассматривать их через призму евразийства, то складывается иная концепция прав человека, утверждающая, что права и свободы индивида должны быть адекватными общественным, коллективным интересам и ожиданиям, что помимо прав и свобод человека существует обязательная взаимная ответственность между человеком, обществом и государством. Только наличие баланса интересов между этими субъектами способствует реальному осуществлению как индивидуальных, так и коллективных прав и свобод [41].

Термины *евразийский*, *евразийство* в научной литературе означают не только принадлежность к Евразийскому континенту, но это и философская концепция, основанная на идее геополитического и этнокультурного единства Евразии и утверждающая, что специфика евразийского типа мышления и миропонимания и вся история народов Евразии обусловлены ее географическим и этнолингвистическим положением. Идеи евразийства разрабатывали в первой половине XX в. Н. В. Трубецкой, Г. В. Вернадский, П. А. Флоренский, Л. П. Карсавин, В. Н. Ильин, П. Н. Савицкий и др. Евразийство противопоставлено идее европоцентризма⁴.

Если допустить возможность существования и обоснования Евразийской концепции прав человека, то это позволит несколько иначе взглянуть и на проблему единых, универсальных международных стандартов в сфере прав человека. Ведь уже сегодня, помимо Всеобщей декларации прав человека, распространяющейся на все государства-члены ООН, существуют еще и ряд региональных конвенций, хартий, которые отражают их своеобразие и особенность в вопросах обеспечения и гарантирования прав человека на региональном уровне. Речь идет о Европейской Конвенции о правах человека, Европейской социальной хартии (1950), Американской Конвенции о правах человека (1969), Африканской Хартии о правах человека и народов (1981) [1].

Когда эти общепризнанные международные правозащитные документы провозглашались в разных концах земного шара, все международное сообщество понимало, что именно таким образом можно признать культурное и национальное своеобразие, воспринять множественность идей в отношении основных прав и свобод человека, более эффективно реализовывать права на уровне отдельных наций и государств с учетом национальных особенностей и практик правоприменения, основанных на их традициях, обычаях, правилах поведения, правовой культуре и правосознании, менталитете, вероисповедании и т. д. [42].

⁴ Евразийство // Национальная социологическая энциклопедия. Режим доступа: <https://voluntary.ru/termin/evraziistvo.html> (дата обращения: 17.02.2021).

Становится очевидным, что большое евразийское пространство также нуждается в особом региональном правовом документе, закрепляющем права человека исходя из понимания собственных, евразийских, ценностей. Евразийские народы смогут как разделять фундаментальные установки в сфере прав человека, так и оставаться самими собой, сохранить и поддержать международными правовыми нормами национальную культуру, политико-правовые традиции и опыт. В современном постколониальном дискурсе такое признание идентичности, особенности другой истины становится все более актуальным. Кроме того, европейская цивилизация приобретет неоценимый опыт взаимодействия с фундаментальными азиатскими ценностями, включающими терпимость, миролюбие, коллективизм, сотрудничество, что крайне важно для сохранения всех народов и обеспечения геополитического баланса. Цивилизационный (социокультурный) подход позволяет нам выйти за пределы евроцентризма и продвигаться к признанию и уважению многообразия, уникальности, идентичности народов и их государственности, в том числе в понимании прав человека [42].

Заключение

Приведенные особенности различных правовых ценностей позволяют нам убедиться в многогранности и плюриверсальности государств, сообществ и мировоззрений, существующих в глобальном мире. Мы приходим к выводу, что не существует универсального характера прав человека, данный феномен достаточно гибок и зависит от позиции государства, политической ситуации в мире и стране, конкретных экономических и культурных обстоятельств. Не отвергая европейскую концепцию прав человека, ее универсальность, мы вместе с тем убеждены, что она может быть дополнена и расширена региональными концепциями в связи с наличием у разных правовых культур различных культурно-правовых кодов, ценностных ориентаций, неодинаковых представлений о правах человека. Отрицание этих очевидных аспектов может привести к отторжению, неприятию западной системы правовых ценностей вплоть до распространения радикальных националистических общественных движений. Примером тому в современном мире могут служить попытки продвижения западных демократических традиций в Ливане, Египте, Сирии.

Литература

1. Бусурманов Ж. Д. Конституционные нормы как национальные стандарты в области прав человека и гражданина Республики Казахстан // Вестник Института законодательства Республики Казахстан. 2010. № 3. С. 5–9.
2. Скоробогатов А. В. Правовая ценность как юридическая категория // Правовая культура. 2017. № 3. С. 15–24.
3. Медушевская Н. Ф. Интеллектуально-духовные основания российского права: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 408 с.
4. Евсеев Д. В. Права человека в условиях глобализации и национально-правовые архетипы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 219 с.
5. Сулипов Р. С. Правовые традиции в России: теоретико-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2013. 196 с.
6. Бабенко А. И. Правовые ценности и освоение их личностью: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002. 395 с.

В настоящее время практически все государства ШОС находятся в поисках своей идентичности, формируя национальные правовые системы, устанавливая и реализуя права человека и гражданина. Некоторые из них идут по евразийскому пути, в других правовые институты и ценности европейской цивилизации сочетаются с особыми регуляторами общественных отношений – религиозным и обычным правом, нормами морали, либо властными решениями сильных государственных лидеров. Таким образом, невозможно отрицать сосуществование различных правовых укладов в едином государственном пространстве стран ШОС.

Рассмотрев специфику национальных правовых систем и правовых ценностей стран ШОС, мы выделяем базовые из них, которые могут быть положены в основу Евразийской концепции прав человека, в том числе коллективистские традиции, авторитарно-монархический идеал государственности, большое влияние традиций и религии на правовое регулирование общественных отношений, опыт правового регулирования, сформировавшийся в социалистический период, подчинение права нравственным, моральным ценностям. Признание данной концепции позволит учитывать как общепризнанные подходы к правам человека, так и традиции и менталитет отдельных наций, преобладающих в евразийском макрорегионе.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Критерии авторства: О. Ю. Винниченко – проведение исследования, сбор и обработка данных из источников на русском языке, анализ материалов, концептуализация, применение формально-догматического и сравнительно-правового методов, подготовка первого варианта статьи. Е. Ф. Гладун – проведение исследования, сбор и обработка данных из зарубежных источников, применение метода плюриэтнической герменевтики и социокультурного подхода, редактирование и подготовка окончательного варианта статьи, оформление текста и источников литературы. Ж. Д. Бусурманов – проведение исследования, сбор и обработка данных из источников на русском языке, анализ материалов, применение формально-догматического и сравнительно-правового методов, подготовка первого варианта статьи.

7. Мурунова А. В. Правовые традиции России и Запада: сравнительно-правовой анализ // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2011. Т. 4. № 5. С. 120–126.
8. Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю., Шестопал С. С. Российская государственность как особый цивилизационный и правоментальный тип // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. Т. 6. № 4. С. 492–498.
9. Захарцев С. И. Сальников В. П. Что отличает человека русской культуры от любого другого: философско-правовой взгляд // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 1. С. 23–40.
10. Медушевская Н. Ф. Особенности правовой ментальности россиян: аксиологический подход // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 3. С. 89–92.
11. Wallerstein I. The modern world-system. Vol. I: capitalist agriculture and the origins of the european world-economy in the sixteenth century. N. Y.-London: Academic Press, 1974. XIV+410 p.
12. Hardt M., Negri A. Commonwealth. Cambridge, MA: Belknap Press, 2009. 448 p.
13. Хардт М., Негри А. Империя. М.: Праксис, 2004. 440 с.
14. Lubman S. Looking for law in China // Columbia Journal of Asian Law. 2006. Vol. 20. № 1. P. 1–92. <https://doi.org/10.7916/cjal.v20i1.3254>
15. Wong K. C. A comparative study of laws of assembly in China: historical continuity or political departure? // Asian-Pacific Law and Policy Journal. 2006. Vol. 7. № 2. P. 184–243.
16. Wang YuFan S. The triumph of Confucianism: how a subjugated legal system is failing a generation of Chinese women and girls // Cardozo Journal of Law and Gender. 2009. № 15. P. 691–720.
17. Deyong Sh. Chinese judicial culture: from tradition to modernity // Brigham Young University Journal of Public Law. 2011. № 25. P. 131.
18. Castellucci I. Rule of law with Chinese characteristics // Annual Survey of International & Comparative Law. 2007. Vol. 13. № 1. P. 35–58.
19. Junwu P. Chinese philosophy and international law // Asian Journal of International Law. 2011. № 1. P. 233–248.
20. Davis D. R. Jr. Law and "law books" in the Hindu tradition // German Law Journal. 2008. Vol. 9. № 3. P. 309–325. <https://doi.org/10.1017/S2071832200006441>
21. Cossman B., Kapur R. Secularism's last sigh?: The Hindu right, the courts, and India's struggle for democracy // Harvard International Law Journal. 1997. Vol. 38. № 1. P. 113–170.
22. Burkhanov A. Kazakhstan's national identity-building policy: Soviet legacy, state efforts, and societal reactions // Cornell International Law Journal. 2017. Vol. 50. № 1. <https://doi.org/10.31228/osf.io/2hfr6>
23. Tkatoва R. Central Asian States and international law: between post-Soviet culture and Eurasian civilization // Chinese Journal of International Law. 2010. Vol. 9. № 1. P. 205–220. <https://doi.org/10.1093/chinesejil/jmp036>
24. Cale W. Through the Russian looking glass: the development of a Russian rule of law and democracy // Loyola University Chicago International Law Review. 2010. Vol. 7. № 2. P. 93–129.
25. Radon J. Permitted unless prohibited: the changed Soviet mentality // Fordham International Law Journal. 1996. Vol. 20. № 2. P. 365–383.
26. Tlostanova M., Mignolo W. On pluritopic hermeneutics, trans-modern thinking, and decolonial philosophy // Encounters. 2009. Vol. 1. № 1. P. 11–27.
27. Мокрый В. Развитие в России местного самоуправления как института публичной власти // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2003. № 3. С. 138–143.
28. Чиркин В. Е. Современные глобальные правовые системы: сближение и антагонизм // Журнал российского права. 2015. № 8. С. 14–24.
29. Трощинский П. В., Молотников А. Е. Российский взгляд на эволюцию правовой системы КНР // Правовые основы бизнеса в Китае / отв. ред. В. Шань, А. Е. Молотников. М.: Изд-во РКЮО, 2018. С. 50–77.
30. Mosse D. Caste and development: contemporary perspectives on a structure of discrimination and advantage // World Development. 2018. Vol. 110. № С. P. 422–436. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.06.003>
31. Sökefeld M. From colonialism to postcolonial colonialism: changing modes of domination in the Northern areas of Pakistan // The Journal of Asian Studies. 2005. Vol. 64. № 4. P. 939–973. <https://doi.org/10.1017/S0021911805002287>
32. Бусурманов Ж. Д. Евразийская концепция прав человека: новый взгляд на проблему // Евразийский юридический журнал. 2009. № 11. С. 18–27.
33. Hoon C. Y. Revisiting the "Asian Values" argument used by Asian political leaders and its validity // Indonesian Quarterly. 2004. Vol. 32. № 2. P. 154–174.
34. Welzel C. The Asian values thesis revisited: evidence from the world values surveys // Japanese Journal of Political Science. 2011. Vol. 12. № 1. P. 1–31. <https://doi.org/10.1017/s1468109910000277>

35. Оганесян Т. «Азиатские ценности» и их роль в становлении субрегиональной системы защиты прав человека в Азии // *Международное правосудие*. 2019. № 1. С. 81–92. <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2019-1-81-92>
36. Бердяев Н. А. *Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии*. Берлин: Обелиск, 1923. 246 с.
37. Klein E. The importance and challenges of values-based legal orders // *Intercultural human rights law review tenth anniversary celebration: contributions by LL.M. in intercultural human rights faculty*. 2015. P. 1–25.
38. Ткаченко С. В. Отражение ментальности в западной правовой традиции // *Право и государство: теория и практика*. 2013. № 3. С. 26–33.
39. Мурунова А. В. Правовые традиции России и Запада: сравнительно-правовой анализ // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2011. Т. 4. № 5. С. 120–126.
40. Хантингтон С. *Столкновение цивилизаций*. М.: АСТ, 2014. 571 с.
41. Бусурманов Ж. Д. Мировоззренческие приоритеты сильной и конкурентоспособной евразийской интеграции // *Право и государство*. 2016. № 2. С. 24–27.
42. Бусурманов Ж. Д. Евразийская концепция и Евразийская декларация прав человека и глобальный кризис демократии // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2015. № 2. С. 25–30.

original article

Human Rights in the Context of Asian and European Legal Values

Oleg Yu. Vinnichenko

Tyumen State University, Russia, Tyumen; <https://orcid.org/0000-0002-4572-979X>; o.y.vinnichenko@utmn.ru

Elena F. Gladun

Tyumen State University, Russia, Tyumen; <https://orcid.org/0000-0003-2525-6638>

Zhumabek D. Busurmanov

Academy of Legal Sciences of the Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan, Almaty; L. N. Gumilyov Eurasian National University, Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan; Expert Council under the Commissioner for Human Rights in the Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan; Pardon Commission under the President of the Republic of Kazakhstan, Republic of Kazakhstan, Nur-Sultan; <https://orcid.org/0000-0002-4966-2211>

Received 27 Sep 2021. Accepted after peer review 17 Oct 2021. Accepted for publication 25 Oct 2021.

Abstract: This article substantiates the need to consolidate human rights through various international legal mechanisms, including regional conventions on human rights that reflect specific legal and cultural values. The authors analyzed the Oriental legal values that differ from those in the Occidental. Borrowed elements of foreign culture and standard legal norms do not provide effective implementation of international documents at the national level. In fact, a lot of contemporary conflicts originate in the gap between the official legal ideology and the traditional legal consciousness, which is typical of most Asian countries. The interdisciplinary and civilizational (sociocultural) approaches revealed that most Shanghai Cooperation Organization countries adhere to the so-called Asian values, e.g. collectivism; priority of family, clan, and nation interests; idealization of the authorities; detachment from active political and legal life, adherence to moral norms, etc. The authors believe that, along with the Universal Declaration of Human Rights, there may be regional concepts and international regional acts based on civilizational identity, historical memory and experience. Eurasian countries need a new concept of human rights, which will combine universal and Asian legal values, e.g. priority of the community and state over the individual; the advantage of public order over the personal rights and freedoms; common wellbeing; significance of moral and religious rules; admiration for strong political leaders, etc. This concept will make it possible to integrate Asian mentality, lore, and national philosophy into standard human rights. The concept might help to resolve various conflicts that occur between global legal ideology and traditional legal mentality of most Asian societies.

Keywords: legality, national legal values, Shanghai Cooperation Organization countries, Asian values, European values

Citation: Vinnichenko O. Yu., Gladun E. F., Busurmanov Zh. D. Human Rights in the Context of Asian and European Legal Values. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2021, 5(4): 338–347. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2021-5-4-338-347>

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Contribution: O. Yu. Vinnichenko conducted the research, collected and processed the Russian data, analyzed the materials, defined the research concept, as well as formal dogmatic and comparative legal methods, and drafted the manuscript. E. F. Gladun performed the research, collected and processed foreign data, applied the method of pluritopic hermeneutics and sociocultural approach, formatted the manuscript, and proofread the final version. Zh. D. Busurmanov performed the research, collected and processed Russian data, analyzed materials, applied formal dogmatic and comparative legal methods, and drafted the manuscript.

References

1. Busurmanov Zh. D. Constitutional norms as national standards in the field of human and civil rights of the Republic of Kazakhstan. *Vestnik Instituta zakonodatelstva Respubliki Kazakhstan*, 2010, (3): 5–9. (In Russ.)
2. Skorobogatov A. V. Legal value as a legal category. *Legal culture*, 2017, (3): 15–24. (In Russ.)
3. Medushevskaya N. F. *Intellectual and spiritual foundations of Russian law*. Dr. Jurispr. Sci. Diss. Moscow, 2010, 408. (In Russ.)
4. Evseyev D. V. *Human rights in the context of globalization and national legal archetypes*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Moscow, 2014, 219. (In Russ.)
5. Sulipov R. S. *Legal traditions in Russia: theoretical and legal aspect*. Cand. Jurispr. Sci. Diss. Barnaul, 2013, 196. (In Russ.)
6. Babenko A. I. *Legal values and how to learn them*. Dr. Jurispr. Sci. Diss. Moscow, 2002, 395. (In Russ.)
7. Murunova A. V. Legal traditions of Russia and the West: comparative legal analysis. *Problemyi analiz i gosudarstvenno-upravlenskoe proektirovanie*, 2011, 4(5): 120–126. (In Russ.)
8. Mordovtsev A. Yu., Mamychev A. Yu., Shestopal S. S. Russian statehood as a particular civilizational and legal mentality type. *Baltic Humanitarian Journal*, 2017, 6(4): 492–498. (In Russ.)
9. Zakhartsev S. I. Salnikov V. P. What distinguishes a person of a Russian culture from any other: philosophical and legal view. *Legal science: history and the presence*, 2016, (1): 23–40. (In Russ.)
10. Medushevskaya N. F. Features of legal mentality of Russians: axiological approach. *Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2017, (3): 89–92. (In Russ.)
11. Wallerstein I. *The modern world-system. Vol. I: capitalist agriculture and the origins of the european world-economy in the sixteenth century*. N. Y.-London: Academic Press, 1974, XIV+410.
12. Hardt M., Negri A. *Commonwealth*. Cambridge, MA: Belknap Press, 2009, 448.
13. Hardt M., Negri A. *Empire*. Moscow: Praksis, 2004, 440. (In Russ.)
14. Lubman S. Looking for law in China. *Columbia Journal of Asian Law*, 2006, 20(1): 1–92. <https://doi.org/10.7916/cjal.v20i1.3254>
15. Wong K. C. A comparative study of laws of assembly in China: historical continuity or political departure? *Asian-Pacific Law and Policy Journal*, 2006, 7(2): 184–243.
16. Wang YuFan S. The triumph of Confucianism: how a subjugated legal system is failing a generation of Chinese women and girls. *Cardozo Journal of Law and Gender*, 2009, (15): 691–720.
17. Deyong Sh. Chinese judicial culture: from tradition to modernity. *Brigham Young University Journal of Public Law*, 2011, 25: 131.
18. Castellucci I. Rule of law with Chinese characteristics. *Annual Survey of International & Comparative Law*, 2007, 13(1): 35–58.
19. Junwu P. Chinese philosophy and international law. *Asian Journal of International Law*, 2011, (1): 233–248.
20. Davis D. R. Jr. Law and "law books" in the Hindu tradition. *German Law Journal*, 2008, 9(3): 309–325. <https://doi.org/10.1017/S2071832200006441>
21. Cossman B., Kapur R. Secularism's last sigh?: The Hindu right, the courts, and India's struggle for democracy. *Harvard International Law Journal*, 1997, 38(1): 113–170.
22. Burkhanov A. Kazakhstan's national identity-building policy: Soviet legacy, state efforts, and societal reactions. *Cornell International Law Journal*, 2017, 50(1). <https://doi.org/10.31228/osf.io/2hfr6>
23. Tkatova R. Central Asian States and international law: between post-Soviet culture and Eurasian civilization. *Chinese Journal of International Law*, 2010, 9(1): 205–220. <https://doi.org/10.1093/chinesejil/jmp036>
24. Cale W. Through the Russian looking glass: the development of a Russian rule of law and democracy. *Loyola University Chicago International Law Review*, 2010, 7(2): 93–129.
25. Radon J. Permitted unless prohibited: the changed Soviet mentality. *Fordham International Law Journal*, 1996, 20(2): 365–383.
26. Tlostanova M., Mignolo W. On pluritopic hermeneutics, trans-modern thinking, and decolonial philosophy. *Encounters*, 2009, 1(1): 11–27.
27. Mokryy V. Development of local self-government in Russia as an institution of public power. *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeiskoe obozrenie*, 2003, (3): 138–143. (In Russ.)

28. Chirkin V. E. Modern global legal system: convergence and antagonism. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 2015, (8): 14–24. (In Russ.)
29. Troshchinskiy P. V., Molotnikov A. E. Russian view on the evolution of the Chinese legal system. *Legal basis of business in China*, eds. Shan W., Molotnikov A. E. Moscow: Izd-vo RKIuO, 2018, 50–77. (In Russ.)
30. Mosse D. Caste and development: contemporary perspectives on a structure of discrimination and advantage. *World Development*, 2018, 110(C): 422–436. <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2018.06.003>
31. Sökefeld M. From colonialism to postcolonial colonialism: changing modes of domination in the Northern areas of Pakistan. *The Journal of Asian Studies*, 2005, 64(4): 939–973. <https://doi.org/10.1017/S0021911805002287>
32. Busurmanov Zh. D. The Euroasian concept of human rights: new sight at the problem. *Evraziiskii iuridicheskii zhurnal*, 2009, (11): 18–27. (In Russ.)
33. Hoon C. Y. Revisiting the "Asian Values" argument used by Asian political leaders and its validity. *Indonesian Quarterly*, 2004, 32(2): 154–174.
34. Welzel C. The Asian values thesis revisited: evidence from the world values surveys. *Japanese Journal of Political Science*, 2011, 12(1): 1–31. <https://doi.org/10.1017/s1468109910000277>
35. Oganessian T. "Asian values" and their role in the development of the sub-regional human rights protection system in Asia. *Mezhdunarodnoe pravosudie*, 2019, (1): 81–92. (In Russ.) <https://doi.org/10.21128/2226-2059-2019-1-81-92>
36. Berdiaev N. A. *Philosophy of inequality: Letters to enemies on social philosophy*. Berlin: Obelisk, 1923, 246. (In Russ.)
37. Klein E. The importance and challenges of values-based legal orders. *Intercultural human rights law review tenth anniversary celebration: contributions by LL.M. in intercultural human rights faculty*. 2015, 1–25.
38. Tkachenko S. V. Incorporated mentality in Western legal tradition. *Law and State: The Theory and Practice*, 2013, (3): 26–33. (In Russ.)
39. Murunova A. V. Legal traditions of Russia and the West: comparative legal analysis. *Problemnyi analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie*, 2011, 4(5): 120–126. (In Russ.)
40. Huntington S. *The clash of civilizations*. Moscow: AST, 2014, 571. (In Russ.)
41. Busurmanov Zh. D. Ideological priorities of the strong and competitive Eurasian integration. *Pravo i gosudarstvo*, 2016, (2): 24–27. (In Russ.)
42. Busurmanov Zh. D. Eurasian concept of human rights and Eurasian declaration of human rights and global crisis of democracy. *Vestnik Altayskoi akademii ekonomiki i prava*, 2015, (2): 25–30. (In Russ.)